

Мужчина поднял левую руку и протянул её юноше, ладонью вверх.

Гу Чанъань бросил взгляд: рука избалованного господчика, тонкие пальцы, широкая ладонь с поперечной линией.

Он спросил дату рождения, не зная, правдива ли она, и для вида затряс головой:

— Молодой человек, в вашей судьбе затаилась злая звезда.

Мужчина изобразил изумление:

— Злая звезда?

Гу Чанъань погладил несколько приклеенных к подбородку волосков фальшивой бороды:

— Если хочешь узнать, как отвести беду, нужно вытянуть жребий.

Мужчина потянулся к тубусу с бамбуковыми палочками.

Гу Чанъань перехватил его руку и заломил цену:

— Пятьсот.

Мужчина, не моргнув глазом, выложил пять красных купюр. Движения были чёткими и решительными — настоящий воротила.

Гу Чанъань аккуратно собрал деньги по одной.

Спустя мгновение он взял вытянутый мужчиной жребий и принялся молоть чепуху:

— Хм... молодой человек, скоро вы встретите в своей судьбе благородного человека, и все невзгоды обернутся удачей.

Мужчина принял серьёзный вид:

— Прошу мастера дать совет.

Гу Чанъань придал лицу таинственное выражение:

— Иди на юг.

— На юг... — Мужчина нахмурился, слегка прикусил тонкие губы и с невинной усмешкой добавил: — Мастер, я не различаю, где восток, а где запад.

Карьера Гу Чанъаня как актёра встретила достойного соперника.

Возвращаясь домой по глухим тропкам с пожитками, Гу Чанъань всё же столкнулся с соседом. Взгляд соседа был полон одновременно почтения и сомнения.

Гу Чанъань задрал голову, изображая небожителя, но слова произнёс сугубо приземлённые:

— Гадание по лицу — пятьдесят, по дате рождения — сто.

Почтение соседа тут же испарилось, сменившись презрением. Думал, мастер, а оказалось — обычный шарлатан. Пятьдесят за гадание? Почему бы сразу не пойти грабить?

Только дурак попадётся на такую удочку.

Глядя в глаза соседа, Гу Чанъань понял всё без слов. Значит, тот, кого он встретил днём, не дурак, а настоящий мастер перевоплощения.

От него веяло чем-то вроде волка в овечьей шкуре. Весь разговор — сплошная игра. Не различает сторон света? Врёт почище меня, чего уж не сказал, что не различает и верх с низом?

Вечером к нему в приподнятом настроении заявила Личунь. Она сообщила, что в городок приехал приезжий — мужчина, невероятно красивый.

Под конец она ещё раз подчеркнула: действительно очень красивый.

— И что? — спросил Гу Чанъань.

Личунь загадочно понизила голос:

— Знаешь, где он поселился?

Гу Чанъань покосился на неё:

— Какое мне дело?

Личунь запрыгнула на стул и села по-турецки, подперев подбородок рукой. Движения были ловкими и быстрыми, как у мартышки.

— В том самом маленьком храме на горе, прямо за твоим домом.

Гу Чанъань внезапно приподнял веки.

Какой нормальный человек, имея возможность жить в чистой и уютной гостинице, пойдёт в полуразрушенный храм в глуши? Разве это не кричит о том, что с ним что-то не так?

Гу Чанъань сжал край чашки:

— Насколько я помню, последний монах ушёл оттуда год назад. Сейчас это просто обветшала декорация, туда никто не ходит.

— Вот именно, — Личунь переполнило материнское чувство. — Как представляю, что такой красавец спит в такой грязной и разваленной лачуге, сердце кровью обливается...

— Ли, сестрица, — сказал Гу Чанъань, — ты прижала руку слишком низко, нужно на пару дюймов выше.

Личунь закатала рукава:

— Какая я тебе сестрица? Я вообще-то младше тебя!

Гу Чанъань усмехнулся:

— Если тебе так нравится, пусть будет так.

— ...

Личунь подалась вперёд, приблизив круглое лицо к Гу Чанъаню:

— Тебе что, совсем не любопытно?

— Ни капли, — не спеша отхлебнул чаю Гу Чанъань.

Личунь фыркнула:

— Говорю тебе, как только этот красавчик здесь освоится, твой статус первой красавицы городка под угрозой.

Первой красавицы? У Гу Чанъаня дёрнулась щека. Да плевать.

Личунь открыла на телефоне фотографию. Гу Чанъань мельком глянул — он не ошибся, это тот самый человек, которого он встретил днём.

Та же одежда, но совсем иное выражение лица. На этом запоминающемся лице не было ни тени улыбки, лишь ледяное высокомерие.

На другом снимке мужчина улыбался, выглядя вполне дружелюбным — точно таким, каким предстал перед Гу Чанъанем.

Улыбается и не улыбается — словно два разных человека.

Гу Чанъань прищурился. Какова цель его визита в этот городок?

Подыграл ему из прихоти, потому что стало скучно и захотелось актёрства? Или он раскусил его дешёвые трюки и решил поиздеваться из чувства справедливости?

А может, есть другая причина?

Жаль, что Гу Чанъань не умеет по-настоящему гадать, а лишь болтает чепуху, иначе мог бы что-то разглядеть.

Личунь мечтательно улыbnулась:

— У него такие глубокие глаза, словно они умеют говорить. В них столько чувств, кажется, что он смотрит на каждого как на возлюбленного.

Гу Чанъань цокнул языком:

— Тебе пора сменить очки.

— Ой, Чанъань, ты просто завидуешь, — захихикала Личунь.

Гу Чанъань скосил глаза:

— Меня что, лягнул осёл, чтобы я такое нёс?

— Ничего страшного, я понимаю, зависть — это естественно, — Личунь говорила с видом знатока. — Он просто объективно красивее тебя. Настоящий идеал красоты, от которого голову теряют.

Гу Чанъаня передёрнуло.

— Чунь, а тебе не кажется, что когда мужчина слишком красив — это само по себе пугающее явление?

— Нет, я к тебе привыкла.

— ...

— Я немного навела справки, но ничего не узнала, даже имени, — Личунь положила телефон на стол. — Выглядит очень загадочно. Ну что, может, мне ещё постараться?

Гу Чанъань был холоден:

— Мне он неинтересен.

Личунь вытаращила глаза:

— Правда? Разве красавцы не должны дружить с красавцами?

Гу Чанъань крикнул в сторону выхода:

— Дабин, проводи гостью.

В этот момент вошёл У Дабин с миской рыбного супа.

От одного запаха Гу Чанъаня затошнило, он демонстративно отвернулся, не выказывая желания притронуться к еде.

Личунь заглянула в миску — какой суп, густой и наваристый, она сама такой за всю жизнь не сварит, а Чанъань, подумать только, ещё и нос воротит.

— Дабин, не обращай на него внимания, оставь его голодным на пару дней, я гарантирую, он...

У Дабин поставил миску перед Гу Чанъанем.

Личунь схватила У Дабина за запястье, её материнские чувства вновь выплеснулись наружу:

— Пойдём со мной домой, будем вместе... ну, вместе рубить дрова, сажать овощи, петь песни и танцевать, а ещё слушать истории, моя бабушка мастер рассказывать сказки.

— Пф-ф... — Гу Чанъань не сдержался и прыснул. Заметив, как Личунь сверкнула на него глазами, он жестом показал: продолжай, мол.

Личунь потрясла руку У Дабина:

— Ну что, пойдёшь?

У Дабин поставил перед Личунь миску с супом:

— Нет. У тебя дома много ос, я их не люблю.

Лицо Личунь застыло, она обхватила колени руками и надулась:

— Ну и что, что осы? Дискриминация по видовому признаку?

Видя, что Личунь расстроилась, У Дабин растерялся и инстинктивно посмотрел на Гу Чанъаня, ища помощи.

Гу Чанъань дождался, пока суп остынет, залпом выпил его и безразлично бросил:

— Хватит притворяться. Ты же знаешь, что Дабин не понимает шуток и всё принимает за чистую монету.

Личунь тут же подняла голову и просияла:

— Дабин, я не обиделась.

У Дабин успокоился.

Глубокой ночью Гу Чанъань открыл глаза, в них читалось раздражение. Обычно он занимался только делами, связанными с рыбой-ложью, а остальное его не волновало, пока не затрагивало интересы его и его близких.

Но... он не мог не признать, что этот мужчина днём пробудил в нём любопытство.

На вид элегантный, дружелюбный и даже безобидный, а на деле — загадочный и опасный.

Большая ложь не раскрыта, с Чжан Вэем и Ван Тинтин ясности нет, добавился ещё и директор Ван, узлы не развязаны, дел невпроворот, а тут приходится отвлекаться на посторонних.

Гу Чанъань сполз с кровати и сел у окна. Ночь была холодной, словно вода, на горизонте уже забрезжил рассвет.

У Дабин в соседней комнате услышал шум и вышел:

— Чанъань, ты куда?

Гу Чанъань сказал, что собирается в горы:

— Оставайся сторожить дом. Если не вернусь до рассвета, то...

— Идти искать тебя в горах? — спросил У Дабин.

Гу Чанъань покачал головой:

— Звони в полицию.

У Дабин не понимал — полиция всё равно бесполезна.

Гу Чанъань натянул чёрную бейсболку, скрыв глаза в тени:

— Боюсь, тебя продадут, а ты ещё и будешь пересчитывать деньги за них.

У Дабин пробормотал:

— Я не глупый.

— Ты не глупый, но слишком добрый, легко поддаёшься на провокации и манипуляции, — Гу Чанъань опустил козырёк ниже. — Закрой дверь.

Дверь скрипнула, и Гу Чанъань растворился в ночи.

В горах было много росы и сырости. Гу Чанъань часто играл здесь в детстве, он знал каждую тропку и мог найти храм с закрытыми глазами.

Луны сегодня не было, лишь редкие звёзды мерцали в небе. Фигура Гу Чанъаня промелькнула среди деревьев, словно призрак. Внезапно он пожалел о содеянном.

Зачем не спится по ночам, зачем попёрся в горы? Чёрт возьми, какая-то чертовщина.

Проворчав всё дорогу, он оказался у ворот храма. Глубоко вдохнув, он ловко перемахнул через стену, не издав ни звука.

Внутри всё было знакомо, и он легко нашёл цель.

Мужчина спал на деревянной кровати.

Это не главное. Главное — в комнате было стерильно чисто.

Гу Чанъань был здесь не раз и никогда не видел её в таком состоянии. Если бы он не был уверен, что его не лягал осёл, он бы решил, что попал в храм из другого измерения.

Поколебавшись пару мгновений, он подошёл к кровати и, глядя сверху вниз на спящего, остановился. Укусив палец, он капнул кровью на пол.

Капля спокойно растеклась — никаких аномалий.

На душе должно было стать спокойнее, но раздражение лишь усилилось.

Зря потратил каплю крови — и ничего.

Либо он обычный человек, либо...

В глазах Гу Чанъаня мелькнула злоба. Он наклонился и прижал окровавленный палец к переносице спящего.

В тот момент, когда он почти коснулся кожи, веки мужчины дрогнули, словно он просыпался.

Сердце Гу Чанъаня ёкнуло. Он молниеносно нырнул за шкаф и стёр кровь с пальца.

Мужчина открыл глаза, поднял руку ко лбу, вид у него был сонный и растерянный.

Выглядел он при этом... довольно мило.

Гу Чанъаня стошнило от собственных мыслей. Он затаил дыхание, наблюдая, как мужчина обувается и встаёт.

Тот не сделал ничего особенного, просто заварил чай.

— ...

Гу Чанъань, пока шёл в горы, промок до нитки, холод пробирал до костей.

Губы посинели, бледное лицо подёргивалось, он то и дело вздрагивал.

Да твою ж мать, когда он уже уснёт?

Мужчина сел за стол, закинул ногу на ногу, с достоинством поднёс чашку к губам, подул на чайники и принялся не спеша пить.

Лицо Гу Чанъаня исказилось, от него исходила ледяная аура.

Какой чай среди ночи? Ещё в кровать напрудешь.

Мужчина отпил глоток, остановился, приоткрыл окно и с задумчивым видом посмотрел на небо.

В комнату ворвался холодный ветер.

Гу Чанъань покрылся холодным потом, лицо стало почти прозрачным. Он закрыл глаза, подавляя желание выскочить и отметелить этого типа. Спокойствие, только спокойствие.

Выпив две чашки, мужчина встал. Гу Чанъань выдохнул — наконец-то спать.

Но нет, он начал делать растяжку.

У Гу Чанъаня из ушей пошёл пар. Судя по всему, он собрался... сесть на шпагат?

Снаружи царила тишина, а внутри...

Красавчик тянул ноги, готовясь в любой момент сесть на шпагат.

Гу Чанъань, чьё лицо было темнее тучи, достал маску и надел её. Как только он собрался выйти, мужчина снял обувь, лёг на кровать и выключил свет.

— ...

Гу Чанъань не двигался. Прошло много времени, прежде чем он выбрался из-за шкафа. Он подошёл к кровати, намереваясь закончить начатое, и попытался выдавить ещё каплю крови из ранки на пальце, чтобы коснуться лба спящего.

Стоило ему приблизиться, как две руки схватили его и начали гладить по лицу.

Мужчина в полудрёме пробормотал:

— Дорогая...

Гу Чанъань отпрянул так, будто к нему прилипло дерьмо, и помчался к ближайшей реке. Он тёр лицо до тех пор, пока не содрал кожу.

Сидя на берегу, он тяжело дышал, потом зачерпнул горсть воды и снова умылся.

Впервые в жизни его потрогал мужчина, и это чувство было не лучше, чем совокупление с собакой — нет, с кобелём.

Когда он вернулся, У Дабин увидел, что лицо Гу Чанъаня неестественно красное, и удивлённо спросил:

— Чанъань, что с твоим лицом?

— Потрогала собака, — мрачно ответил Гу Чанъань. — Грязная, я раз десять умывался.

У Дабину показалось, что не десять, а все сто. Он не мог понять:

— Как собака могла дотянуться?

Гу Чанъань сжал челюсти:

— Подпрыгнула и потрогала.

— И ты стоял и не двигался? — У Дабин был в ещё большем недоумении.

— ... — Гу Чанъань сорвал бейсболку, бросил на стол и провёл рукой по волосам. — Всё, тема закрыта.

Скоро забрезжил рассвет.

Гу Чанъань сидел под деревом софоры во дворе и пил кашу, настроение было паршивым.

У Дабин с раннего утра ушёл по делам, Гу Чанъань остался один и с самого начала дня чувствовал себя вялым и разбитым.

Допив кашу, он просидел без дела до самого полудня, прежде чем выйти из дома.

Ваньюань — древний городок, живописный, окружённый горами и водами, с богатым историческим колоритом. Это одна из известных достопримечательностей страны, привлекающая толпы туристов.

Гу Чанъань бродил по Восточной улице. Проходя мимо антикварной лавки, он вдруг остановился и заглянул внутрь.

Хозяин магазина показывал клиенту нюхательную табакерку.

Клиентом был не кто иной, как вчерашний красавчик.

Он сменил одежду на чёрную — тёмные тона придавали ему властный вид.

Гу Чанъань усмехнулся, переступил порог и вошёл внутрь.

Хозяин лавки судил по одежке. Чёрноволосый юноша, хоть и выглядел достойно, был одет в простую ткань, в то время как его нынешний клиент, вертящий в руках табакерку, носил часы, стоимость которых превышала выручку всего магазина за месяц.

Поэтому хозяин проигнорировал вошедшего и полностью сосредоточился на состоятельном клиенте.

Гу Чанъань покрутился по лавке и вышел, ни о чём не спросив.

Хозяин ожидал этого, ничего удивительного. Но как только он подумал об этом, его важный клиент последовал за юношей на улицу.

Нет, только не это!

— Господин, постойте! Вам не понравилась табакерка? У нас есть другие...

— Я не собирался её покупать.

Не собирался? Хозяин лавки, глядя вслед, скрежетал зубами:

— Твою мать! Тогда зачем ты мне тут полчаса голову морочил?

С порога на него упал ледяной взгляд, сопровождаемый холодным голосом:

— Это ты полчаса морочил мне голову.

Хозяина чуть не хватил удар.

Гу Чанъань отошёл недалеко, остановился и стал оглядываться, делая вид, что кого-то ждёт.

Сзади раздался голос:

— Господин, мы не встречались?

Гу Чанъань обернулся:

— Нет.

— У меня такое чувство, будто мы знакомы, — смущённо произнёс мужчина.

Гу Чанъань скривил губы:

— Мы оба китайцы, неудивительно.

Зрачки мужчины были неестественно чёрными:

— Я полукровка.

— ... — Гу Чанъань ответил: — Не скажешь.

Мужчина улыбнулся, тонкие губы изогнулись в чёткую дугу:

— Смесь проявляется не так явно.

Опять эта невинная улыбка.

Гу Чанъань ждал, когда тот представится сам.

— Моя фамилия Лу, имя Чэн, — бодро сказал мужчина. — Как Великая Китайская стена.

— О, — сказал Гу Чанъань. Имя как имя, полно таких. — А я Ван Ван. Ван — как в фамилии с

тремя каплями воды, Ван — как процветание.

— ...Запоминающееся имя, — заметил Лу Чэн.

Гу Чанъань улыбнулся, промолчав.

— Господин Ван... — начал Лу Чэн.

Гу Чанъань перебил его с лёгкой улыбкой:

— Зови меня просто по имени.

Лу Чэн тоже улыбнулся, присмотревшись, можно было заметить, как слегка дрогнули мышцы его лица:

— Ван Ван.

Гу Чанъань подавил желание бросить ему кость:

— Угу.

Здорово.

Добившись своего, Гу Чанъань больше не хотел играть с этим Лу Чэном.

Непонятное происхождение, тёмная лошадка, мастер актёрской игры — такой человек не подходит для близкого общения.

Гу Чанъань нашёл предлог, чтобы уйти. Шагая прочь, он вдруг остановился и оглянулся.

Лу Чэн стоял на месте, засунув одну руку в карман, на губах играла улыбка. Он не двигался, просто смотрел на Гу Чанъаня.

Эта улыбка была странной, словно плесень в тёмном углу, от неё становилось не по себе.

Но стоило присмотреться — на изящном, красивом лице снова было лишь дружелюбие.

Гу Чанъань нахмурился. Сделав ещё пару шагов, он снова обернулся — мужчины и след простыл.

Посторонний человек, ничего важного. Сначала нужно разобраться с большой ложью Чжан Вэя, а потом искать бабушку, решил Гу Чанъань.

Он направился к съёмному жилью.

По сравнению с его собственным домом, эта съёмная комната не внушала доверия: деревянная дверь, щели, в которые задувает ветер, старый замок.

Ключей у него не было, он схватился за замок, дёрнул — и тот открылся.

Старик, вышедший налить воды, замер:

— ...

Гу Чанъань быстро юркнул внутрь и закрыл дверь, боясь, что старик опомнится и начнёт ворчать.

Другие жильцы двора кто сменил замки, кто нет. Чжан Вэй был из вторых.

Днём Гу Чанъань нашёл возможность пробраться в комнату Чжан Вэя, но не обнаружил ничего странного. Похоже, это был обычный работяга с причудами, который любит развешивать себя на вешалках, как одежду, и не совершал ничего противозаконного.

Разочарованный, Гу Чанъань вернулся к себе.

Но такая огромная ложь, глаза рыбы налились кровью — это наверняка связано с человеческой жизнью и смертью, не может быть, чтобы всё было чисто.

Он достал пакет с булочками, начал есть и напряжённо размышлять.

Крольчатина у Хэ Цзяня, возможно, была тем самым кроликом, которого они держали вместе с Ван Тинтин, и которого он убил.

Ван Тинтин любила кролика и из-за его смерти сильно поссорилась с Хэ Цзянем.

Бармен мог это подтвердить.

Если следовать этой логике, то разумно предположить, что Ван Тинтин в порыве гнева убила Хэ Цзяня.

Но крысиный яд в крольчатине не имел к ней отношения.

Потому что, если бы это она подсыпала яд, Чжан Вэй не стал бы скрывать это и тем более не побежал бы уничтожать улики.

Ключ к проблеме снова в Чжан Вэе. Такой скупердяй внезапно стал щедрым — откуда деньги?

А что касается Ван Тинтин... возможно, она что-то знает.

<http://bllate.org/book/19143/1880126>